

УДК 391

А.А. Люцидарская

Институт археологии и этнографии СО РАН
 пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия
 E-mail: Lucid@ngs.ru

ВЕЩНЫЙ МИР СИБИРСКОГО ГОРОЖАНИНА XVII ВЕКА*

Введение

Более трех веков отделяет настоящее время от периода интенсивного заселения Сибири колонистами со всех регионов Русского государства. Освоение Зауральской территории началось с постройки острогов и деревянных городов, от которых остались лишь чудом сохранившиеся до XX столетия единичные объекты крепостной архитектуры. Между тем архивные источники содержат многочисленные сведения, позволяющие реконструировать жилые строения первопоселенцев Сибири. Подобных материалов достаточно даже для выявления региональных особенностей в организации жилых комплексов сибирских старожилов. Однако беда в том, что по ним можно составить близкое к истине представление только о типах и размерах жилищ, а наполнение жилого пространства предметами бытования остается далеко не изученным. Без разрешения вопросов, связанных с домашним бытом первопоселенцев, их избы остаются пустыми, лишенными жизни в глазах исследователя. Предметы бытового обихода всегда обладали знаковым содержанием и поэтому характеризовали социокультурную принадлежность человека, ими пользовавшегося. Связь между этими предметами и культурной средой зависела от уровня жизнеобеспечения: чем он был выше, тем более эта связь становилась избирательной и индивидуальной [Кнабе, 1989].

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 04-01-00469а.

В монографии М.Г. Рабиновича, посвященной материальной культуре русского феодального города [1988], значительное место отведено XVII в., однако в ней отражены материалы, касающиеся жилых и хозяйственных построек, одежды, пищи, характерных для того времени, и очень скромно представлена домашняя утварь. Это вполне понятно, документы, как правило, игнорируют описания интерьеров домов, предметов, которыми люди пользовались каждый день и которым не придавали особого значения. Такие сведения приходится выискивать по крупицам из самых разных по содержанию источников. Цельной картины наполнения предметами бытового обихода хотя бы одного дома пока не выявлено.

В настоящей работе предпринята попытка собрать отдельные факты, связанные с домашним бытом сибирских первопоселенцев.

Источники и литература

Наиболее многочисленные свидетельства о предметах домашнего обихода и утвари различного назначения содержат таможенные книги сибирских городов XVII в. В них приводится перечень ввозимых в Сибирь т.н. русских товаров, среди которых представлены вещи, обеспечивающие домашний быт. В данном случае это преимущественно томские и тобольские таможенные книги. Именно они наиболее полно отражают широкий ассортимент ввозившихся в Сибирь русскими купцами товаров, предназначенных для жизнеобеспечения горожан. В настоящей работе использованы томские таможенные документы, выяв-

ленные в архиве (РГАДА. Ф. 214. Сибирский приказ (далее – СП). Кн. 359, 438, 566, 755, 979 и др.), “Таможенные книги сибирских городов XVII века”, издаваемые в последние годы Институтом истории СО РАН [1997, 1999, 2000, 2001, 2003], а также привлечены документальные свидетельства, разбросанные по многим материалам Сибирского приказа, и многочисленные публикации источников, в частности осуществленные под редакцией академика Н.Н. Покровского.

Историческая литература, посвященная периоду освоения Сибири Российским государством и базирующаяся на архивных материалах, также содержит данные о быте первопоселенцев. Это прежде всего научные труды С.В. Бахрушина, монография Н.Н. Покровского о томских событиях 1648–1649 гг., работа О.Н. Вилкова, в которой анализируются тобольские таможенные документы, и ряд других исследований [Бахрушин, 1955; Покровский, 1989; Вилков, 1967; и др.].

Поскольку представления о предметах домашнего обихода колонистов Сибири, как уже отмечалось выше, складываются из единичных, подчас случайных упоминаний источников, то подробный перечень использованных документов может занять не одну страницу.

Домашняя утварь горожан XVII столетия

Уместно представить дома самых первых жителей сибирских городов с минимумом предметов домашнего обихода. Все самое необходимое для жизни: печь для тепла и приготовления пищи, стол и лавки, элементарный набор посуды, места для отдыха с брошенными на них шубейками, может быть, детская люлька и, несомненно, икона или иконка для освящения этого скучно организованного пространства.

Шло время, предпримчивые купцы из разных областей России, а затем и Средней Азии очень быстро оценили ситуацию: новоявленные сибиряки остро нуждались в привычных им с детства традиционных предметах быта и покупали или выменивали эти вещи на сибирское “мягкое золото”, пушнину. Такой торговый обмен был выгоден обеим сторонам. В чрезвычайно короткие сроки дома сибирских горожан, особенно тех, которые жили близко к торговым путям, стали обрастать необходимой домашней утварью. Более того, колонистам требовались уже не только необходимые, но и красивые и качественно выполненные вещи, которыми еще не могли обеспечить население местные зарождавшиеся промыслы. На смену периода выживания и сложной адаптации к условиям жизни в суровом климате и враждебной окружающей среде пришла пора обустройства нового пространства, в т.ч. и жилища.

Населению вновь отстроенных городов становилось небезразлично, какой именно ложкой хлебать щи. Служильй человек чувствовал себя достойным делать это расписной изящной ложкой работы ярославских мастеров. Медленно, но верно увеличивалось число женщин в Сибири и сокращалось количество холостяцких дворов. Жилище перестало быть местом, предназначенным лишь для укрытия от воздействий внешней среды, местом принятия пищи и кратковременного отдыха. Сравнительно большие сибирские города, такие как Тобольск, Томск, Тюмень, были местами сосредоточения наиболее обеспеченного служилого населения, тесно связанного с перекупкой пушнины. Материальный уровень части горожан позволял приобретать не только вещи, традиционные для русского домашнего обихода, но и товары, предлагаемые бухарскими купцами. В данном случае речь идет преимущественно о служилом населении городов с развитыми рыночными отношениями. Не последнюю роль в обустройстве пространства жилища играли те ссыльные иноземцы, которым позволялось брать с собой в Сибирь часть домашнего имущества. Проживая бок о бок с горожанами всех социальных категорий сибирского общества, выходцы с территории Восточной Европы (поляки, литовцы и др.) вносили свой колорит в организацию домашнего быта. Этому способствовала и быстрая ассимиляция иноземцев в обществе колонистов.

Как уже говорилось выше, нет ни одного описания внутреннего убранства дома сибирского горожанина XVII в. Попробуем, однако, реконструировать по имеющимся документальным фактам внутреннее наполнение жилья колонистов.

Необходимым условием для заполнения жилого пространства предметами интерьера и быта является наличие самого пространства. В Томске, например, к концу XVII столетия значительное число горожан имело в своих усадьбах несколько (два и более) отапливаемых помещений [Люцидарская, 1992]. Как правило, дворохозяевами были служилые люди разных рангов, преимущественно подьячие, дети боярские и конные казаки. Справедливо предположить, что именно они являлись наиболее активными покупателями различных предметов бытового обихода для своих изб, тогда как недостаточно обеспеченные горожане, в основном новопоселенцы, довольствовались скучной домашней утварью. Семьи горожан, ставшие старожильческими уже к концу века, мало отличались по обустройству своих домов от жителей городов европейской части страны.

В избе переднее место всегда занимали иконы. Наиболее ценные, в богатых окладах, были привозными, изготовленными в центрах русских иконописных школ. При описании имущества иркутянина, посадского человека А. Юдина отмечено 20 велико-

лепных икон, многие из которых были в дорогих серебряных с жемчугом окладах (РГАДА. Ф. СП. Оп. 5. № 2700). Это, конечно, следует считать исключением. Обычно икон в избе было несколько в зависимости от достатка и набожности хозяев.

В Сибирь ввозилось множество тканей европейского, российского и восточного производства. Они были самого разного качества, назначения и различных расцветок. Многие ткани использовались для создания интерьеров в избах горожан. Это прежде всего популярные в XVII в. восточные “завесы выбойчатые”, или “завесы бухарские”. В Таре в 1674 г. такие завесы купили для своих домов трое подьячих и пятидесятник. Неудивительно, что подобные покупки делали высшие служилые чины, ведь завеса стоила полтину, цена немалая. Для сравнения: два конца бязи обходились в 21 алтын. По данным источников известны завесы “пестряди кызылбацкой”, а также “китайские атласные и камчатные” [Таможенные книги..., 1997, вып. 1]. Яркие, цветные завесы могли использоваться для зонирования помещения, а возможно, в зажиточных домах и в декоративных целях.

Сибирские горожане покрывали столы цветными или вышитыми скатертями. Особенно охотно пользовались в этом случае клетчатой материей. В доме у томского сына боярского П. Собанского среди вещей были шитые и клетчатые скатерти [Люцидарская, 1992, с. 153]. В переписных книгах тобольского архиерейского дома в 20-х гг. XVII в. среди различной утвари упомянуты “скатерть столовая браная, в мелкие клетки”, “скатерть столовая, ткана в шахмат”, “скатерть столовая клетчатая” [История Сибири..., 1994, с. 56.].

Восточной работы были ковры и коврики, используемые горожанами в своих домах. В редких описа-

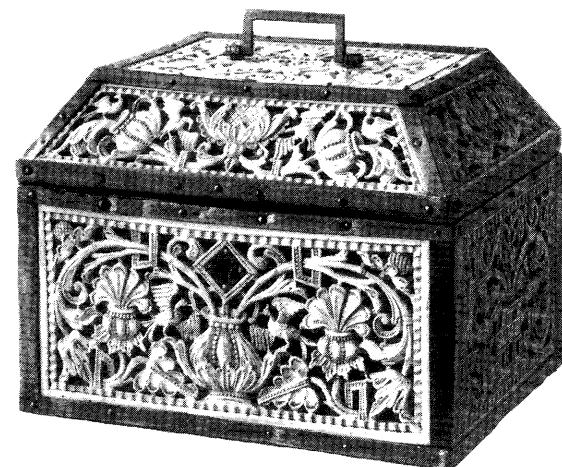
ниях домашней утвари встречаются: “ковер ветхой мунгальский, с бахромой”, “коврик китайчатый цветной”. Сам факт, что подобные вещи попали в опись, свидетельствует об их высоком статусе среди предметов домашнего быта. Под порог избы клади половицки – “натрушенки пороговые”, которые должны были способствовать чистоте в доме.

Далеко не последними по значимости вещами являлись постельные принадлежности и сами постели. К сожалению, источники умалчивают о наличии организованных мест для сна, не ясно, делалось ли нечто напоминающее кровать или это были полати, широкие лавки и т.п. Однако одеяла, подушки, наволочки широко представлены в ассортименте товаров. Часто одеялами служили теплые низкосортные меха, которые, как правило, сверху покрывали тканью. Известны “одеяло волчье”, “одеяло волчье под китайкой лазоревой”, маленькие, возможно детские, бараньи одеяла. Дорогие и дешевые, зимние и легкие одеяла документально представлены достаточно широко. Среди них “калмацкие с войлоками”, “холодные камчатые”, “одеяло кунье под камкою с огоньки”, “одеяло лисье красное черевье под камкою травчатой” и др. Ткани для покрытия одеял и наволочек использовались чаще всего яркие, цветные, преимущественно китайки. Зачастую наволочки украшались шитьем и кружевом, например “наволока большая с кружевом нитяным” (РГАДА. Ф. СП. Стб. 1288. Л. 70–72. Стб. 853. Л. 81. Стб. 327. Л. 104).

Сибирские колонисты, особенно обеспеченные, большое значение придавали одежду. Об этом свидетельствует непрекращавшийся спрос на ткани и готовые предметы женского и мужского туалета. Шубы, шапки, праздничную одежду необходимо было где-то хранить, и именно такую функцию выполняли сун-

а

б

Rис. 1. Ларцы.
а – первая половина XVIII в.; б – конец XVII – начало XVIII в.

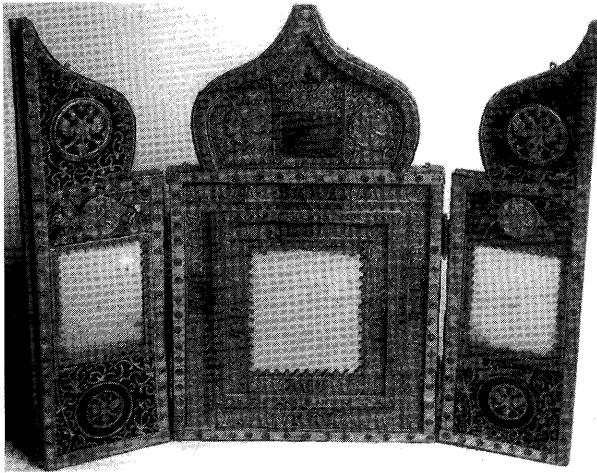

Рис. 2. Зеркало створчатое. XVII в.

дуки, короба и коробы. Они являлись непременными предметами обстановки в доме. Сундуки могли быть простыми деревянными или кованными. Различные короба и коробы изготавливались из дерева или бересты, известны и кованые коробы. В домах зажиточных горожан были привозные сундуки и ларцы работы мастеров Центральной России, нередко талантливых ремесленников. Такие предметы не только использовались по прямому назначению, но и служили украшением помещений и подчеркивали высокий статус хозяев, поскольку повседневный домашний инвентарь брал на себя функцию эмоционального общественного самовыражения (рис. 1).

Особенно славились по части изготовления сундуков, подзаголовников и различных коробок колмогорские мастера. В источниках часто упоминаются выполненные ими изделия: “сундук кованый колмогорского дела с нутряным замком”, “подзаголовник окованной колмогорской работы” [Люцидарская, 1992, с. 153]. Подзаголовник представлял собой установленный в головах постели ларец или ящик, куда складывали наиболее ценные хозяйином вещи.

К концу XVII в. в домашний обиход горожан входят стулья. В переписной книге тобольского архиерейского дома за 1636 г. упомянуты: “стул, на нем кожа, на кожу поволочен бархат зеленый”; “стул точеный с красками” [История Сибири..., 1994, с. 98, 105]. В сочинении мятежного протопопа Аввакума, касающемся его пребывания в сибирской ссылке, стулья упомянуты дважды: протопоп в бытность его в Тобольске “приказал пономарю стул посреде избы поставить”, другое упоминание относится к далекой Даурской земле [Житие..., 1979, с. 42, 169]. Это позволяет предположить, что в городских жилищах стулья были.

К функциональным предметам интерьера можно отнести получившие значительное распространение зеркала. В большом количестве в Сибирь ввозились малые немецкие и ярославские зеркальца, зеркала в книжках, а также створчатые (рис. 2). Однако в источниках встречаются и “стенные большие”, и “зеркало стенное в рамках черных”. Стало быть, зеркала вешали на стены, ставили на столы и различные подставки [Люцидарская, 1992, с. 155]. Убранство помещений дополняли светильники различных форм, “шандалы железные свечные”. Эти вещи в большинстве случаев были привозными (рис. 3).

Обязательной принадлежностью городского дома являлись рукомойники. Они изготавливались из металла и нередко были затейливо выполнены. Среди домашней утвари иркутского посадского человека значится рукомойник “медный, луженый с дву горлышками с кровлею”. Не удивительно, что подобный предмет привлек внимание человека, описывавшего имущество дворохозяина (РГАДА. Ф. СП. Оп. 5. № 2700. Л. 1).

Исследователю сибирского городского быта нельзя пожаловаться на отсутствие сведений о посуде, причем как столовой, так и поваренной. Но это

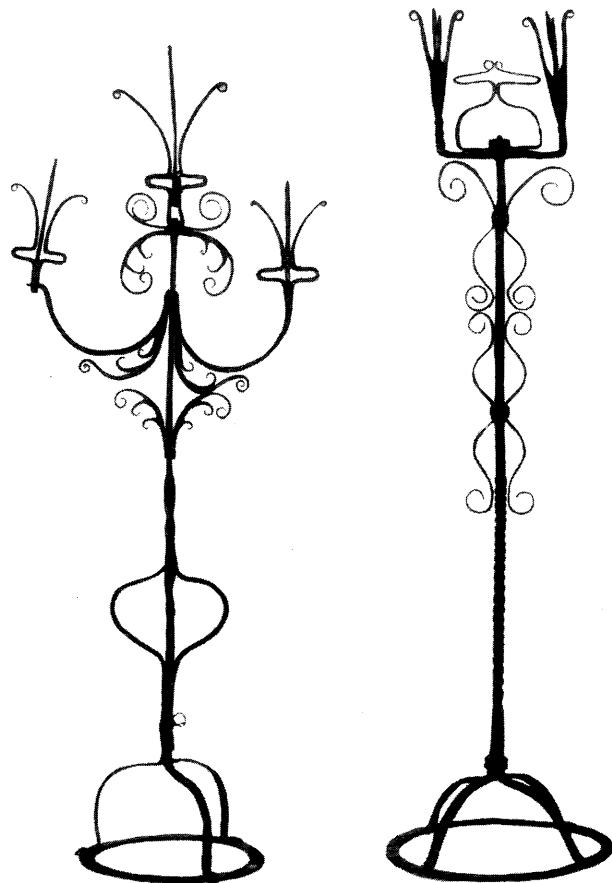

Рис. 3. Светцы. XVII – XVIII вв.

прежде всего касается предметов из металла, ибо они были дорогими. Популярной же, обыденной посуде из глины и дерева в источниках отводится гораздо меньше места, однако и о ней сведений достаточно. Пища, судя по всему, являлась настолько значимым элементом жизнеобеспечения самого существования человека в XVII в., что все связанное с ее приготовлением и подачей на стол приобретало особый смысл. Архивные документы не скрываются на фиксацию котлов, сковород, блюд, чаш, ковшей, кружек и т.п.

Остановимся сначала на кухонной утвари. Металлическую посуду продавали, как правило, пудами. Она изготавливала из железа, меди, олова. Перечислим некоторую обыденную для сибирского горожанина поваренную металлическую посуду: котлы и котлики красной и зеленой меди, медные луженые ендовы, противни, горшки, сковороды и т.п. Ассортимент кухонной утвари был очень широким и разнообразным. Только сковород можно насчитать четыре вида: большие, средние, малые и специальные блинные. Для выпечки использовали “веко медное, луженое, для пирогов”. Кроме дорогой металлической посуды для приготовления и хранения продуктов питания существовало множество изделий из дерева. Причем в сибирских ремесленных центрах, каким был Тобольск, изготовление деревянной кухонной и столовой утвари частично взяли на себя местные ремесленники. Их изделия отличались дешевизной, но уступали привозным по качеству и эстетическому восприятию. Так, например, красивые и прочные вятские ложки продолжали в больших количествах поступать за Урал.

Столовая посуда была еще более разнообразна по своему назначению. Это оловянные и деревянные блюда и тарелки, различные чашки и чаши, кружки и стаканы, ковши и кувшины, ставцы, перечницы и солонки, уксусницы и др.

К концу XVII в. в домашний обиход начинают входить вещи из стекла. Сибиряки стали пользоваться “склянцами”, “братинками стекольчатыми”, штофами и рюмками. Среди домашних вещей зажиточных горожан были и серебряные, и украшенные финифтью или иной дорогой отделкой. Известно, что в обиходе красноярского сына боярского И. Злобина имелись “ножик да вилки, припои медные с финифтью” [Люцидарская, 1992, с. 158]. Дорогие и красивые вещи ценились, сберегались, передавались по наследству. При утрате домашнего имущества такая утварь подробно описывалась с упоминанием всех деталей.

Кроме вышеперечисленных бытовых предметов, которыми ежедневно пользовались первопоселенцы сибирских городов, в их домашнем обиходе было множество других необходимых вещей: утюги и ножницы, терки и решета, ступки и сита,

капустные секачи, корытца и многое другое, еще сохраненное в традиционном русском быту или безвозвратно ушедшее в прошлое.

Заключение

Колонисты Сибири в первые десятилетия освоили огромную Зауральскую территорию. Они создавали города, остроги и прокладывали новые торговые пути. Параллельно с этим процессом шла организация личного жилого пространства первопоселенцев. Потребности горожан в предметах быта росли вместе с ростом городов и развитием рыночных отношений. Избы наполнялись необходимым содержанием, привычным для традиционного быта. Уже к середине XVII столетия домашняя утварь сибирского горожанина немногим отличалась от таковой у городских жителей Европейской России. Чем ближе сибирские города находились к торговым центрам, тем более домашний уклад горожан приближался к традиционному. Между тем в бытовой обиход входили и новации, чьему способствовали ввоз среднеазиатских товаров и этнически неоднородный состав населения городов. Своеобразный синтез традиционной культуры и инноваций позволяет более полно характеризовать эпоху вхождения Сибири в состав Русского государства.

Список литературы

- Бахрушин С.В.** Науч. тр. – М.: Изд-во АН СССР, 1955. – Т. 3, ч. 1. – 375 с.
- Вилков О.Н.** Ремесло и торговля Западной Сибири в XVII веке. – Новосибирск: Наука, 1967. – 323 с.
- Житие протопопа Аввакума.** – Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1979. – 366 с. – (Литературные памятники Сибири).
- История Сибири: Первоисточники.** – Новосибирск: Сибирский хронограф, 1994. – Вып. 4. – 291 с.
- Киабе С.Г.** Диалектика повседневности // Вопр. философии. – 1989. – № 5. – С. 26–31.
- Люцидарская А.А.** Старожилы Сибири: Историко-этнографические очерки. – Новосибирск: Наука, 1992. – С. 152–159.
- Покровский Н.Н.** Томск 1648–1649 гг.: Воеводская власть и земские миры. – Новосибирск: Наука, 1989. – 385 с.
- Рабинович М.Г.** Очерки материальной культуры русского феодального города. – М.: Наука, 1988. – 309 с.
- Таможенные книги сибирских городов XVII века.** – Новосибирск: РИПЭЛплюс, 1997. – Вып. 1. – 125 с.; 1999. – Вып. 2. – 123 с.; 2000. – Вып. 3. – 146 с.; 2001. – Вып. 4. – 146 с.; 2003. – Вып. 5. – 215 с.

УДК 391

Ю.Е. Берёзкин

*Музей антропологии и этнографии (Кунсткамера) РАН
Университетская наб., 3, Санкт-Петербург, 199034, Россия
E-mail:berezkin@peterlink.ru*

ОЦЕНКА ДРЕВНОСТИ ЕВРАЗИЙСКО-АМЕРИКАНСКИХ СВЯЗЕЙ В ОБЛАСТИ МИФОЛОГИИ

Доиндустриальные общества ориентированы на неизменное воспроизведение элементов культуры. Но даже самые консервативные культуры меняются. Вариативность живых систем вызвана случайными ошибками копирования и как таковая не требует объяснений [Price, 1982, р. 716]. Интересен не факт изменений, а их скорость. Здравый смысл подсказывает, что те элементы культуры, которые ее носители оценивали как сакральные, должны были меняться медленнее других. Хотя культура не делится однозначно на профанину и сакральную сферы [Lukes, 1973, р. 20–27], некоторые ее разделы обладают в этом смысле особым статусом: носители фольклорных традиций практически всегда считают сакральными повествования, в которых отражены представления о мире и его возникновении. Именно эти повествования принято именовать мифами.

Фольклорно-мифологические мотивы, которые изучает исследователь, вырваны из контекста и освобождены от культурной специфики, поэтому говорить об их сакральности или профанности неправомерно. Можно, однако, предположить, что в силу своей ассоциации с определенными реалиями одни мотивы имеют большую, а другие меньшую вероятность быть использованными в мифах. Мотивы, связанные с космогонией, космологией и этиологией и описывающие события и явления, формирующие значимую для коллектива картину мира, отличны от мотивов, соответствующих приключенческим и трикстерским эпизодам*, протагонисты которых вовсе не обязательно должны являться объектами культа.

* Обзор трикстерских эпизодов в фольклоре Америки и Сибири см.: [Берёзкин, 2004].

На июль 2004 г. в нашей базе данных мирового фольклора содержалась информация о распределении 1 164 мотивов по 208 ареалам Старого и Нового Света (примерно 35 тыс. текстов)*.

Сначала весь этот массив данных рассматривался в совокупности. Для выявления закономерностей во взаимовстречаемости мотивов был использован факторный анализ, он же анализ главных компонент [Берёзкин, 2003а]. Первая компонента показывает самую важную тенденцию. Эта тенденция стала заметна сразу же после того, как американские материалы (с обработки которых начиналось исследование) были дополнены евразийскими и австрало-меланезийскими (североамериканские мифологии напоминают центрально- и североевразийские, а в южно-американских много мотивов, представленных в Новой Гвинее и Меланезии). Разделение базы данных на две отдельные выборки, в одну из которых вошли космологические и этиологические мотивы (группа А), а в другую – все остальные (группа Б), позволило получить новые результаты.

К группе А было отнесено 525 мотивов, описывающих устройство, облик и происхождение природы, общества и человека. Большинство мотивов, которые заведомо не могут иметь глобального распространения, в статистические подсчеты не включались. Так, мотив A1115** (морская вода стала соленой из-за по-

* Создание каталога и работы на его основе поддержаны Программой фундаментальных исследований Президиума РАН “Этнокультурное взаимодействие в Евразии”, грантом 2004 г. Президиума СПбНЦ РАН, Российским фондом фундаментальных исследований (грант 04-06-80238).

** Номера мотивов даны по указателю [Thompson, 1955–1958]. Номер отсутствует, если близкую параллель у С. Томпсона обнаружить не удалось.